

8496
К66

ЛЮБИМЫЕ

ГЕР

И

Виталий Коржиков

Мореплавание
Солнышкина

Любимые
герои

«СТРЕКОЗА-ПРЕСС» 2005

Художник
И. Красовская

**— Плавали —
знаем!**

Виталий Коржиков

**Мореплавание
Солнышкина**

«СТРЕКОЗА-ПРЕСС» 2005

84 (2Poc = Pyc) б

Впереди — паруса!

«**В**переди — паруса!» Это кричал самый счастливый человек на земле — Алексей Солнышкин.

Четыре дня назад его бабушка, Анна Николаевна, уборщица сельского клуба, довязала ему новый свитер. Потом положила в мешок хлеба, сала и кедровых орешков, отсчитала на дорогу тридцать потёртых рубликов и, чмокнув внука в рыжий чубчик, отправила из тайги в город — поступать в училище. Но ни в какое училище Солнышкин не собирался. Глаза у него светились, как морская вода. Десять лет ему уже снились океан, грохот прибоя и высокие корабель-

ные мачты. И поэтому на станции, сунув рублики в окошечко билетной кассы, он попросил:

— Один до Океанска!

— Денег-то едва до Хабаровска... — сказала кассирша.

— Куда хватит, — сказал Солнышкин.

И через три дня проводница высаживала Солнышкина из вагона в Хабаровске.

Прихватив свой мешок, он обдумывал, как добираться дальше, когда на перроне появились два матроса. Они браво направлялись к седьмому вагону. Солнышкин с грустью посмотрел на них.

— Эге, кажется, человек в беде! — сказал один из моряков и остановился.

— Далеко? — спросил у Солнышкина второй.

— В Океанск, — ответил Солнышкин.

— Такой груз в мешке за спиной таскать можно, — сказал первый, окинув Солнышкина взглядом.

И через несколько минут Солнышкин, согнувшись в собственном мешке, въезжал на матросской спине в двери вагона.

Поезд остановился перед похожим на сказочный терем вокзалом. Слева по перрону бежали, толкаясь, пассажиры, покрикивали носильщики. А справа, среди залива, тянулись к небу десятки мачт, упирались в причал чернобокие корабли. А над заливом кувыркались чайки.

Солнышкин схватил мешок, махнул всем на прощание и выпрыгнул на перрон.

— В школу! В морскую школу! — сказал он и уже через полчаса взбирался по шумной улице Океанска к красивому белому зданию.

Мал, мал! Подрасти немного!

Солнышкин потянул к себе дверь за бронзовую ручку и оказался в вестибюле. У мраморной лестницы стояли два высоких курсанта. На них были красивые форменные фуражки, руки в белых перчатках крепко сжаты в кулаки, а подбородки, казалось, были из самого твёрдого мрамора.

«Здорово!» — подумал Солнышкин и представил себя в этой форме у этой лестницы. Вот так он сфотографируется, такую фотокарточку он пошлёт бабушке!

— Как мне пройти к начальнику школы? — спросил Солнышкин, поглядывая на дежурных.

Два металлических голоса торжественно произнесли:

— Коридор — налево, коридор — направо, комната — прямо!

Солнышкин кивнул: «Спасибо!» — и в три прыжка одолел ступени. Коридор — налево! Коридор — направо! Зелёные стены качались, как волны. Солнышкин летел по мягкому ковру, как яхта по морю. Флажком развевался рыжий хохолок. Вот уже сверкнула табличка «Начальник школы», и Солнышкин собирался открыть дверь, как вдруг услышал, что там, в кабинете, что-то затренькало. Будто пробежали пальцами по клавишам: «Там-та-та-там, там-та-та-там».

Он прислушался. Звуки повторились, и кто-то пропел:

Бури нас вновь позовут,
В море герои уйдут...

Солнышкин приоткрыл дверь и увидел толстячка, сидящего за пианино. Толстячок оглянулся и лукаво спросил:

— Что, подслушиваем?

— Что вы! — Солнышкин замотал головой.

Но человек подмигнул ему: «Знаем, знаем!» — и улыбнулся.

Нужно сказать, что начальник училища в свободное время сочинял музыку. Хор в училище распевал его песни, курсанты маршировали под его марши.

Сейчас начальник закончил новую песню «Бравые моряки». Он был уверен, что за дверью слушает вся школа.

— Ну заходи, заходи, — кивнул он.

Солнышкин вошёл и по стойке «смирно» застыл на ковре.

— Споём? — жизнерадостно спросил его начальник.

— Споём! — воскликнул Солнышкин.

Ему и вправду хотелось петь. Всё устраивалось великолепно! Удача летела ему навстречу на всех парусах. И Солнышкин стал подпевать грубоватым баском.

— Хорошо поёшь! — сказал начальник и повернулся к Солнышкину: — На каком курсе учишься?

— Поступаю на первый, — отрапортовал Солнышкин.

— Хорошо, — сказал начальник. — Очень хорошо придумал. В море должны идти люди с крепкими голосами. Где документы?

Солнышкин вытащил из кармана новенькую хрустящую метрику.

— А паспорт? — спросил тревожно начальник.

— А паспорт я через два года обязательно получу, — сказал Солнышкин.

Начальник заглянул в метрику, потом опустил руку на клавиши так, что они горько всхлипнули, и вздохнул:

— Хорошо поёшь, Солнышкин... А принять не могу. Мал, мал! Подрасти немного, и мы ещё споём с тобой такие песни!

Солнышкин будто полетел с мачты в холодное море. Песен он больше не слышал. Зато почувствовал, как на его глазах появились солёные капли. Но упрашивать и вступать в ненужные

споры Солнышкин не умел. Он вышел на улицу. В горле у Солнышкина защемило.

— Подумаешь: подрасти! Да я и так уйду в матросы! Сколочу плот, парус есть, — он пощупал мешок, — а удочку раздобуду! Главное, рядом океан! Куда хочешь — туда и плыви!

Запахи моря кружили ему голову. Он видел уже, как плывёт на плоту по сверкающему океану, и совершенно неожиданно очутился в коротком переулке.

Переулок упирался в невысокий дырявый забор. Солнышкин остановился. За забором слышался плеск волн и раздавались самые настоящие морские команды: «Полундра! Вира помалу! Майна!». А дальше поднимался высокий нос парохода. Солнышкин прибавил шаг.

Через минуту он уже протиснулся сквозь узкую дырку в заборе и спрыгнул на каменный причал. Слева покачивался катер. Грузчики по трапу вкатывали на него большие бочки. Справа к причалу прижимался боком большой красивый пароход. На носу у него было написано название: «**Даёшь!**». Борт парохода щекотали прозрачные солнечные зайчики. По иллюминаторам прыгали сопки и облака. Под килем играли зелёные волны, и на дне шныряла стайка мальков.

Пароход, видимо, собирался в дальнейшее плавание. И всем своим видом призывал: «Даёшь,

Солнышкин! В Индию? Даёшь! В Мексику? Даёшь! Даёшь, Солнышкин! Стоит только забраться на борт!».

Солнышкин улыбнулся.

«Смелей, Солнышкин!» — сказал он себе и направился к трапу. Но едва он сделал шаг вперёд, как возле его уха что-то блеснуло и шлёпнулось в воду. Солнышкин вскинул глаза и увидел над бортом толстую, как у кота Базилио, голову и волосатые руки. Это был матрос парохода «Даёшь!» Петькин. Он нёс вахту у трапа и, чтобы не терять зря времени, ловил рыбу.

Рядом с ним насвистывал кубинскую «Голубку» матрос Федькин.

— Как фамилия? — спросил Федькин, глядя вниз.

— Солнышкин!

— В Индию собираешься?

— Ага! — обрадовался Солнышкин.

— И в Австралию согласен?

У Солнышкина едва не остановилось сердце. Он кивнул головой.

— И за чем же дело? Только парохода не хватает?

— Только парохода! — крикнул Солнышкин.

— Пустяки, — махнул рукой Федькин. — В универмаге «Детский мир» в третьей секции сколько угодно! Три рубля штука — новейшей

конструкции. Заплатил — и валяй! В Австралию, в Индию, в Антарктиду...

Солнышкин чуть не подавился от обиды.

Каюта старого Робинзона

Солнышкин присел на корточки и стал думать, где бы устроиться на ночлег. Как вдруг услышал голос:

— Ай-яй-яй, молодой человек!

Он обернулся и увидел старичка в морской форме. Это был известный всем морякам старый инспектор океанского пароходства Мирон Иванович. Больше всего на свете он любил море. Отправляя в океан пароходы, он мечтал о кругосветном плавании. Но так и не смог за всю жизнь выбраться в путь. Его и теперь приглашали в плавание, но он показывал на свои галоши и говорил:

— У меня теперь одно плавание. Мои старые баржи делают две мили в сутки. Одну из дому сюда, вторую — обратно.

Звали его ещё Робинзоном потому, что жил он в старом доме один. Но вспоминали его на всех морях. Вывел в люди он многих моряков. А тех, кто мечтал о плаваниях и пароходах, старый инспектор узнавал за квартал.

— Будем знакомы. Робинзон. Старый Робинзон... — Улыбнулся старик и протянул руку.

— Солнышкин, — удивлённо ответил Солнышкин.

— Ну вот и хорошо, Солнышкин. Разрешите мне пригласить вас в свою каюту. На моём корабле нет креветок и виски. Но голландский сыр, чашка чёрного кофе и мягкая постель всегда найдутся.

Всё-таки Солнышкину везло!

Робинзон заложил руки за спину, и они стали подниматься по сопке. Робинзон расспрашивал Солнышкина о его похождениях, и поэтому усталый Солнышкин не обратил внимания на тот удивительный факт, что они поднимаются вверх, а не спускаются к морю.

Наконец они остановились у старинного островерхого домика, который возвышался на крутой скале и отбрасывал вниз большую тень. Робинзон показал на дверь:

— Сюда! — Щёлкнул ключом и сказал: — Кюта к вашим услугам!

Солнышкин нерешительно вошёл в комнату. Не веря глазам, повернул голову влево, потом вправо, потом снова влево и снова вправо и восхищённо выпалил:

— Вот это да!

Комнаты не было. Под ногами лежала корабельная палуба. Напротив двери у единственного большого окна, смотревшего на бухту, был укреплён корабельный штурвал с отполированным колесом. Вместо окон в стенах были иллюминаторы. Над одним висел барометр, а рядом с другим спасательный круг, на котором было написано: «**Один за всех**». На полке рядом с книгами лежала подзорная труба и розовели морские раковины.

С потолка свисали пальмовые листья. Одна стенка была сделана из пальмовых стволов, а топчан был накрыт шкурой медведя.

— Вот на этом судне и спасается старый Робинзон! — подмигнул Солнышкину старик и подтолкнул его к распахнутому окну.

Вся бухта внизу сверкала, и в темноте переливались разноцветные огоньки. В море над чёрной водой вспыхивал и гас свет маяка. Над ним светили громадные звёзды, и Солнышкину показалось, что он плывёт по далёким южным морям...

Вдруг Мирон Иванович зашмыгал носом, посмотрел в окно, потом на барометр и скомандовал:

— Задраить иллюминаторы, или через полчаса хижину старого Робинзона зальёт водой!

Солнышкин с сомнением посмотрел на звёздное небо и собирався возразить, но тут же гро-

мадная капля щёлкнула его по носу и по стёклам забарабанил дождь. Солнышкин стал изо всех сил закручивать винты на иллюминаторах. Он так торопился, что не заметил, как на маленьком круглом столике появились сыр, колбаса и Мирон Иванович налил из термоса в чашки ароматного кофе.

Через несколько минут Солнышкин с вымытыми руками сидел на медвежьей шкуре, потягивал вкусный кофе и собирался подумать о том, как хорошо всё устроилось. Но тут за стенами так забушевало, что весь

дом задрожал и, казалось, покатился вниз. Наверху что-то треснуло, и по пальмовому листу побежала струйка. Мирон Иванович схватился рукой за голову, посмотрел вверх и крикнул:

— Солнышкин!
Аврал! В судне старого Робинзона пробоина!

Солнышкин вскочил на стол, потом на подставленную табуретку,

раздвинул листья и увидел в потолочной доске дырку, из которой выстрелил сучок. Солнышкин сунул в дырку указательный палец, но табуретка вылетела из-под его ног, и он повис в воздухе. Палец ныл, как зуб, в который доктор залез буром, но Солнышкин держался. Робинзон нашёл сучок, завернул в кусок старой тряпки и подставил Солнышкину табуретку. Солнышкин крепко вколотил сучок в дырку кулаком и спрыгнул.

— Молодец, Солнышкин, — сказал Робинзон, и они сели допивать кофе, которого стало от дождя вдвое больше.

Буря всё усиливалась. Внизу трещали деревья, прыгали по сопке потоки. Сбоку, сквозь щель в стене, которую старый Робинзон не заделывал нарочно, посвистывал настоящий морской ветер, и теперь Солнышкину было так хорошо, как будто он потерпел кораблекрушение и вдруг оказался на острове в гостях у настоящего Робинзона.

...Солнышкину снились жуткие вещи. Ему приснилось, что его прямо на ходу поезда вытряхивают из мешка. Он вылетает в окно, катится по скалам и с громадной высоты падает в зелёное-зелёное море. На лету он с треском цепляется брюками за нос какого-то корабля, вы-

скальзывает из них, а сверху раздаётся голос: «Ай-яй-яй, молодой человек...».

Он приготовился ласточкой нырнуть в воду и открыл глаза.

Над ним качал головой старый Робинзон: «Ай-яй-яй...».

Солнышкин сидел в глубокой дыре, оттого что доски под ним с треском провалились.

— Крепкая была качка, — сказал с улыбкой Робинзон и похлопал рукой по спинке топчана. — Видно, отслужил старина. Тридцать лет обеспечивал ночлег всем потерпевшим кораблекрушение. Ну, подъём, подъём!

Солнышкин вскочил, высунул в открытое окно круглую, как яблоко, голову и зажмурил глаза. Сверкало солнце, приплясывало море, свистели птицы, а под окном потихоньку булькали ручейки. Он оделся, схватил ботинки, мешок и направился к двери. Но Робинзон надел на морщинистый нос очки и повернулся к нему:

— Куда?

— Искать пароход, — сказал Солнышкин.

— А этот тебе не нравится? — спросил Мирон Иванович. — И команда получилась бы неплохая: Робинзон и Солнышкин!

Солнышкину очень не хотелось обижать старика. Он ещё раз посмотрел на штурвал, на ил-

люминаторы, на окно, обращённое к заливу, и вздохнул:

— Корабль что надо, да ведь он стоит на одном месте...

— Эх-хе-хе... — усмехнулся Робинзон, — что верно, то верно. Всё на месте и на месте. Все уходят в море, а Робинзон живи один, волнуйся из-за них и шагай свои две мили в сутки!

Он подошёл к большому глобусу, к которому были прицеплены белые бумажные пароходики, повернул его, и пароходики тоже завертелись и побежали по голубым морям.

— Что ж, прикрепим сюда ещё один пароход, — сказал старик. — Пароход, на котором поплывёт Солнышкин.

Привет Мирону Ивановичу!

На каждом шагу Солнышкин поворачивал голову то влево, то вправо, потому что из каждого переулка то и дело раздавалось:

— Мирону Ивановичу привет!.. Привет, Мирон Иваныч!

А рота курсантов мореходной школы приветствовала его хором, будто старый Робинзон был сегодня именинником и одновременно командующим парадом.

Всё в городе после ливня было чисто, ярко и празднично. Пуговицы на кителе маленького сухонького Робинзона сверкали, как адмиральские ордена. Он переступал через лужи и весело помахивал всем рукой.

Уже вдали поднялось важное океанское пароходство. И по улице, обгоняя друг друга, помчались на совещание капитаны, начальники и помощники начальников.

В это время из-за угла появился кто-то громадный и громогласно сказал:

— Батюшки! Вот это встреча! Мирон Иваныч!

Солнышкин отшатнулся и увидел капитана, который был в два раза выше Робинзона. А фуражка на голове у него была такая, что налезла бы на голову двум капитанам вместе.

— Батюшки! — сказал капитан и стал трясти руку старому Робинзону.

— Евгений Дмитриевич, дорогой, так мы, кажется, вчера виделись, — улыбаясь, сказал Робинзон. — Даже точно виделись.

— Неужели? — удивился капитан.

И тут состоялся разговор, от которого Солнышкин весь взмок, а чубчик у него застыл от волнения.

— Евгений Дмитрич, вы помните топчан в каюте старого Робинзона? — начал старый инспектор.

— Конечно. Как же, как же! Разве можно забыть? — воскликнул капитан и вскинул руки, сверкнув золотыми нашивками. Мужественное лицо его стало добрым и внимательным. — Да, да! Я ещё провалился тогда. И подзорную трубу помню. Я ведь в неё увидел мачты своего парохода! А помните, как я затыкал пальцем дырку от сучка в вашем потолке? Помните? — И он захохотал. — Я тогда чуть не проткнул крышу!

— Ах, Евгений Дмитрич, — сказал Робинзон, — конечно, помню. А сегодня на этом месте

спал ещё один мореплаватель и смотрел в подзорную трубу на мачты вашего парохода...

И он показал глазами в сторону Солнышкина.

— Так где же он? — засуетился капитан и стал оглядываться вокруг себя, будто потерял иголку и никак не мог ее найти. — А, вот он! Да какой красавец, прирождённый моряк! Прирождённый! Немедленно выписывайте направление на пароход.

— Но он ещё молод, — сказал Робинзон.

— Ничего, это я всё улажу. Жду, жду, — сказал громовым голосом моряк и побежал на совещание.

Это был капитан парохода «Даёшь!» — Евгений Дмитриевич Моряков.

— Ну вот, Солнышкин, вот и всё, — сказал старый Робинзон и грустно подмигнул.

Неожиданные перемены

— Ну что ж, Солнышкин, сейчас мы тебя к кому-нибудь определим, — сказал Моряков.

— Ко мне! — звонко предложил маленький, с острым носиком радист Перчиков. — Конечно, ко мне!

Он вообще отличался гостеприимством, а новый матрос сразу же пришёлся ему по душе.

Солнышкин пошёл за Перчиковым в каюту.

Каюта была чудесная: слева стояла двухэтажная койка, перед столом, вделанный в палубу, вращался великолепный стул, а за иллюминатором слышался плеск волн. Солнышкин был готов обнять Перчикова, но тот стеснялся подобных вещей. Он заторопился:

— Ну, теперь за работу! Грузить продукты.

И они вышли из каюты. Навстречу им уже мчались Петькин и Фёдкин с ящиками на плечах. А с палубы доносились крики артельщика. Он бегал и суетился.

Вечером пароход должен был отправиться на Камчатку, а сделать достаточные запасы артельщик вовремя не успел.

Подъёмный кран опустил на палубу груды ящиков. Солнышкин бросился к одному из них, но артельщик только ухмыльнулся:

— Ишь, сарделек захотел? Половину слопаешь!

Солнышкин поставил ящик и собирался сказать, что, во-первых, лопают свиньи, а во-вторых, он не такой обжора. Но за его спиной раздался громовой вскрик:

— Ба-тюш-ки! Опять сардельки! Да куда вы их? Лопнете — придётся хирурга вызывать! — И мимо, качая головой, прошёл кок Борщик.

Солнышкин взмок. Вместе со всеми он носил ящики и муку, и теперь из его рубахи можно

было печь пирог: мука на спине превратилась в тесто. Но он этого не замечал. Он бегал по трапам, таскал с Перчиковым в холодильник бараньи туши, пока на палубе вдруг снова не зашумела толпа.

Солнышкин отёр лицо, просунул голову в толпу. Сзади, положив ему руки на плечи, стоял Перчиков, и они слышали потрясающую новость: полчаса назад «скорая помощь» увезла из пароходства капитана Морякова. Произошёл редчайший в медицине случай: у сорокалетнего капитана неожиданно обнаружилась младенческая болезнь — корь!

Перчиков хотел от удивления всплеснуть руками, но они прилипли к спине Солнышкина.

Команда заволновалась. Солнце уже стояло в зените, до вечера оставалось немного времени. Как быть без капитана?

Вдруг все повернулись к трапу. У Перчикова покраснел нос, а рыжий артельщик захихикал и потёр руки.

По трапу с чемоданчиком в одной и с клеткой в другой руке поднимался новый капитан. В клетке вертелся бесхвостый белый попугай.

— Вот это повезло! — Артельщик бросился к капитану: — Счастливы приветствовать!

Но капитан прошёл мимо.

— Плавали — знаем! — сказал он.

Первая команда Плавали-Знаем

Боцман парохода «Даёшь!», седой, крепкий Бурун, последним подошёл к трапу. Уже за несколько шагов он стал присматриваться к следам, оставленным капитанскими сапогами. Он плавал со всеми капитанами и точно знал, кто как ставит ногу. Сейчас он увидел кривой и неровный след.

— Что? — испуганно спросил Бурун. — Плавали-Знаем?

— Да! — ответил Перчиков.

— Ну всё! Начинается весёлое плавание!

Имени нового капитана никто не знал. Весь флот звал его по кличке Плавали-Знаем. Кто бы ни обращался к нему с советом, что бы ему ни говорили, все слышали от него один небрежный ответ: «Плавали — знаем». Знаний у него было с гулькин нос, но важности хватило бы на сто капитанов. И, говорят, капитаном он стал только из-за своей важности. Когда на экзаменах ему задавали какой-нибудь вопрос, он так важно отвечал: «Плавали — знаем», что старым профессорам становилось неловко спрашивать его и они в смущении ставили ему пятёрки.

Но боцман Бурун знал его лучше всех преподавателей, поэтому он и почесал себе затылок.

Солнышкин тоже сощурил глаз. Такая перемена обещала ему мало хорошего, но он не привык унывать. Тем более что он был на палубе настоящего корабля и корабль уже готовился к отплытию.

И едва он об этом подумал, в рубке появился Плавали-Знаем и крикнул в микрофон:

— Машинисты, заводи примус! Палуба, по местам!

Через несколько минут на палубе всё было как в бою: поползли цепи, загрохотали якоря.

Солнышкин изо всех сил тянул мокрый и толстый канат; от лебёдок шёл пар и дым, как от подбитых танков, и пароход потихоньку отчаливал от причала.

Руку на дружбу, Солнышкин!

Наступила ночь. На небе высыпали тысячи звёзд, и все отразились в воде. Пароходик бежал по ним, как петух по зерну.

Солнышкин стоял на самом носу парохода.

Сзади пароход догоняла луна, и Солнышкину казалось, что сам он — тугой, наполненный ветром парус. Мешало только тесто, которое начало подсыхать на спине, и поэтому пришлось спуститься в душ.

Там уже приплясывали Петькин, Федькин, плюхался артельщик Степан. Солнышкин еле пробился к душе, и горячие струйки забарабанили по спине. Но через минуту ему стало совсем тесно. Он повернулся боком и увидел, что артельщик вроде бы увеличился в объёме. Он хотел повернуться поудобнее, но деться было некуда. От горячей воды артельщик разбухал, как сарделька.

— Ого! — сказал Солнышкин.

— Что? А ну-ка вали отсюда! — прикрикнул артельщик, шлёпая себя ладонями по мокрому брюху.

Солнышкин поглядел на артельщика исподлобья.

— Не слышал? — зашипел Степан. — Да я тебя...

Но не успел договорить — в душевую вошёл боцман Бурун с берёзовым веником под мышкой.

— А-а, опять тут артельщик разоряется! — сказал он. — А ну-ка хватит! Дай людям после работы помыться.

Артельщик поплёлся к двери. Солнышкин снова забрался под душ, и старый Бурун принялся хлестать его веником. Это было особенно приятно после длинной дороги и всех событий, которые свалились на голову Солнышкина.

Наконец всё утихло. Поблёскивая вымытым лбом, Солнышкин направился в каюту. На пороге его встретил Перчиков и протянул новенькую тельняшку:

— Держи!

Глаза у Солнышкина загорелись.

— Ух ты, вот это да!

— Бери, надевай, — сказал Перчиков и сам засиял от удовольствия. Он протянул руку: — Руку на дружбу, Солнышкин!

Солнышкин с радостью пожал мужественную руку Перчикова.

Новые указания бравого капитана

Плавали-Знаем ходил взад и вперёд по рулевой рубке и всё ещё с досадой выглядывал в окно. «Даёшь!» полным ходом шёл на Камчатку при попутном ветре. Он гудел каждому встречному пароходу, и они тоже дружески приветствовали его гудками. На горизонте кувыркались дельфины. Но три вещи раздражали капитана: во-первых, нос парохода сидел в воде ниже, чем хотелось бы Плавали-Знаем, и от этого судно выглядело, по его мнению, не очень героически; во-вторых, на носу парохода торчал Солнышкин, который мешал Плавали-Знаем как муха на носу; и, в-третьих, попутный ветер заносил в рубку дым из трубы, и от него у капитана слезились глаза и во рту было кисло, словно он проглотил муравья. Он вызвал к себе боцмана и сказал:

— У нашего парохода неважный вид.

Старый Бурун содержал судно в образцовом порядке. Он провалился бы от стыда, если бы кто-нибудь нашёл на палубе хоть одно пятнышко. Это заявление его поразило. Но Плавали-Знаем угрюмо объяснил:

— Дрянной вид, бодрости не хватает. И носом он смотрит как-то вниз. Выпрямить его, перетащить всё оборудование на корму!

Бурун хотел возразить, но капитан отмахнулся:

— Плавали — знаем!

И бывалый боцман объявил аврал. В пять минут вся команда была на ногах, словно её подняли в атаку, и тащила с носа на корму боцманское хозяйство. Солнышкин и Федькин тянули тросы. Кок Борщик, как свинью за хвост, тащил за верёвку бочку. Артельщик, громыхая сапогами, гудел: «Вот это работа!» — и одним глазом посматривал, долетают ли его слова до капитана. На палубе всё кипело, и только радист Перчиков сердито заявил боцману, что не собирается потакать ничьим дурацким выдумкам.

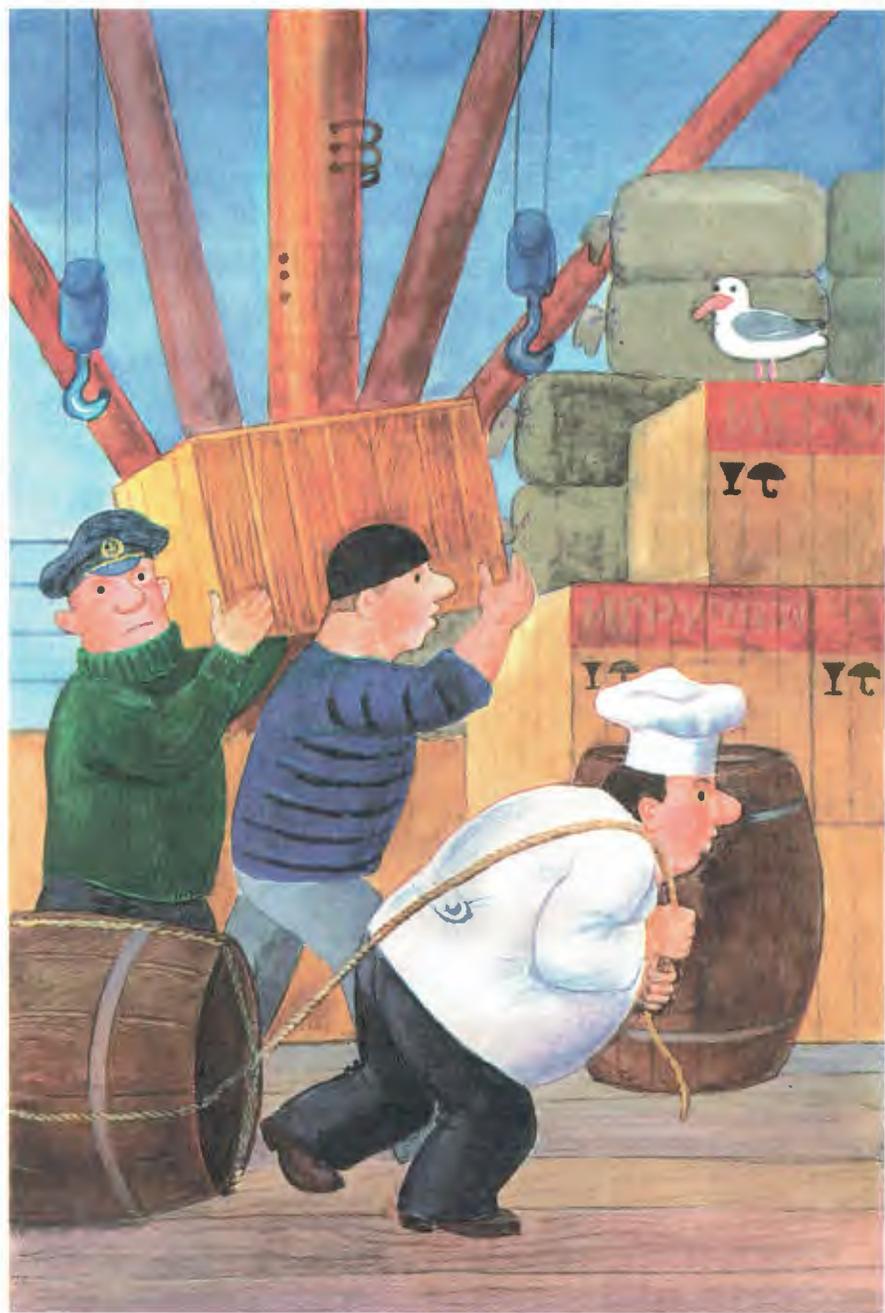
За каких-то полчаса корма превратилась в настоящую баррикаду и грузно осела в воду. Зато нос задрался вверх, как ствол пушки.

— Ну как? — крикнул боцман, повернувшись к рулевой рубке.

Плавали-Знаем взмахнул рукой и произнёс:

— Теперь — что надо! Не пароход, а космическая ракета!

Он поправил фуражку и, выйдя на капитанский мостик, гордо расправил плечи. Правда, с встречных пароходов стали поступать запросы, не нужна ли ему помощь: ведь все знают, что когда судно слишком задирает нос, оно начинает тонуть. Но Плавали-Знаем не обращал на это

никакого внимания. Единственное, что ему теперь мешало, — это дым, от которого пощипывало язык. Плавали-Знаем позвонил в машинное отделение, но машинисты ответили, что ничего не могут поделать. Тогда он сверкнул глазами и крикнул:

— Боцман, ко мне!

Бурун взлетел на мостик, утираясь рукавом куртки.

— Ликвидировать дым! — показал пальцем Плавали-Знаем на трубу.

— Как? — выкатил глаза старый боцман.

— Мешком. А лучше — брезентом, — поразмыслив, заметил капитан. — Солнышкина туда. И Федькина тоже, с брезентом. Пускай полуют дым.

— Не положено! На ходу парохода не положено! — взмолился боцман.

— Плавали — знаем! На пользу обществу всё положено, — сказал Плавали-Знаем и кивком дал понять, что разговор окончен.

Первым по лестнице поднялся Федькин в своих узких брючках и цветных сингапурских носках. Потом он подтянул подвеску, на которую уселся Солнышкин, и они повисли в небе по обе стороны трубы, держа в руках громадный брезент.

— Ну как? — крикнул снизу Бурун.

— Ничего, — ответил Солнышкин.

И тут же чуть не полетел с подвески. Ветер надул брезент, как парус, и рванул вверх. Солнышкин вцепился в него и едва не перелетел через трубу.

— Держи! — заскрежетал зубами Федькин.

Он болтался на другом конце брезента. При каждом порыве ветра они то подлетали вверх, то изо всех сил шлёпались на подвески.

— Не могу-у больше! — ревел ошалелый Федькин.

В этот момент брезент так наполнило клубом горячего воздуха, что он взлетел, как воздушный шар, и на нём повисли два настоящих трубочиста. Ещё минута — и их выбросило бы за борт, в море. Но брезент зацепился за мачту, а Федькин и Солнышкин с размаху стукнулись лбами.

— Ох! — сказал Федькин и стал съезжать вниз по мачте.

Солнышкин ещё держался. Сверху открывался прекрасный вид, но видеть всё это Солнышкину не давала громадная шишка на лбу. Он слетел вниз, прямо на руки перепуганному Перчикову.

— Жив? — крикнул Перчиков, ощупывая друга.

Он схватил Солнышкина за руку, позвал Федькина и вместе с ними зашагал в рубку.

Вскоре море разошлось не на шутку, и говорят, что именно в это время разыгрался короткий, но самый жестокий шторм за много лет.

Слева направо

С каждой минутой волны поднимались всё выше и наваливались на левый борт. Пароход накренился и ехал боком по воде. Мачты повисали над морем, как удочки.

Держась за переборки, боцман кое-как добрался до рубки и, оттащив Петькина, пытался развернуть пароход носом к волне. Он повис на штурвале, когда в рубку ввалился Плавали-Знаем. Едва держась на ногах, он спросонья взглянул на море.

— Боцман, команду наверх! Помпы на палубу!

— Так пробойн нету! — крикнул боцман, стараясь перекрыть рёв воды.

— Вы что, не видите, — покачиваясь, сказал Плавали-Знаем, — что одна половина моря выше другой? Помпы на палубу! И мы его перекачаем! Слева направо! Слева направо!

И Плавали-Знаем с криком «Аврал!» бросился вниз по трапу. Следом мчалась палубная команда и машинисты. Солнышкин тоже выско-

чил из каюты и, падая, на четвереньках пустился за капитаном. Судну угрожала опасность! Начинаясь первый аврал в его жизни, и ему хотелось настоящей морской работы. Едва помпу вытащили на трюм, Солнышкин сразу же ухватился за рукоятку.

— Шланги в воду! — командовал Плавали-Знаем. Он закатал рукава и стал напротив Солнышкина. — Начали, начали! — крикнул он, и вода загудела в шлангах. — Слева направо, слева направо!

Руки у Солнышкина ходили как заводные, а поясница сгибалась и разгибалась так быстро, что скоро в ней стало что-то похрустывать. Подумать ему было некогда. Со лба Плавали-Знаем катились громадные капли.

— Молодцы! — раздался голос Перчикова. — Молодцы, хорошо работаете! — В руках у него было ведро. — Может быть, ведром помочь?

Плавали-Знаем выпрямился, окинул море взглядом. В это время старый Бурун повернул судно, и волны громоздились с другой стороны.

— Кажется, переборщили! — сказал Плавали-Знаем. — Ну-ка поменяемся местами. Справа налево!

Пальцы у Солнышкина уже не разжимались. Он опустился на колени, но продолжал работать

так, что тельняшка трещала по швам. На руках лопнули мозоли.

Наконец Плавали-Знаем, посмотрев на море, сказал:

— Ну вот, теперь, мне кажется, порядок, ребята.

Страшные волнения Плавали-Знаем

В кают-компании парохода «Даёшь!» шёл обед. Было солнечно и свежо. Все иллюминаторы были распахнуты, и за ними сверкали вершины Курильских островов. Ножи и вилки на белой скатерти горели от солнца ярче всяких драгоценностей. Из тарелок поднимался пар. За столом слышалось весёлое похрустывание. У всех был замечательный аппетит. Плавали-Знаем с хрустом всадил длинные зубы в сардельку.

— Пятую ест, пятую! — раздался за дверью восторженный шёпот. Это Стёпка-артельщик, потирая руки, чуть не лопался от счастья: наконец-то ему удалось угодить начальнику!

Все сделали вид, что ничего не слышали, и продолжали работать вилками.

Но тут в коридоре послышался странный окрик. Все переглянулись, а Плавали-Знаем вскочил и быстро одёрнул мундир. Где-то возмутился начальник пароходства.

«До каких пор будет этот беспорядок? — кричал он за стенкой. — Опять эти бочки на палубе?»

Но через секунду всё пропало, будто ничего и не было. Плавали-Знаем осторожно оглянулся.

«Опять грязь, опять эти бочки! — кричал начальник пароходства. — Немедленно вызвать капитана! И нечего меня уговаривать».

Плавали-Знаем побледнел, вытянулся и шагнул в коридор. Начальника не было.

«Прячут», — подумал Плавали-Знаем. Он осторожно поднялся в рубку, обошёл все помещения, но начальника не обнаружил.

«А может быть, всё это померещилось? — подумал Плавали-Знаем и усмехнулся. — А может...»

Неожиданная страшная мысль поразила его. «Может быть, это специально подстроено? Морякова вместо больницы — домой. Меня — сюда. А передо мной — незаметно — начальник пароходства для инспекции?»

Он заметался по коридору, но тут же взял себя в руки.

«Плавали! — подумал он. — Выкрутимся!»

И громко, так, чтобы все слышали, крикнул: — Боцман, боцман! Бочки немедленно за борт! Боцман крикнул:

— Солнышкин, за мной!

И они отправились выполнять приказ.

Артельщик отправляется в космос

Нужно сказать, что голос начальника пароходства Перчиков записал совсем на другом судне. Но так совпало, что и на пароходе «Даёшь!» стояли три никому не нужные бочки. Их оставили по особой просьбе артельщика, который уверял капитана, что они ему очень нужны. Так вот, самую большую ушлый артельщик приловчился использовать по своему усмотрению. После обеда, когда все шли снова работать, он с весёлой улыбочкой направлялся к бочке, приговаривая:

— Итак, отправляемся в ракету! Продолжаем наш космический рейс!

Он влезал в бочку, накрывался крышкой, и через минуту оттуда раздавалось еле уловимое посапывание.

Когда Солнышкин и Бурун подошли к бочкам, артельщик уже занял своё излюбленное место.

— Ну-ка, взяли! — сказал Бурун и швырнул за борт первую бочку.

Она закувыркалась в воде.

— Есть! — крикнул Солнышкин. — Пошла! — И, подняв над собой, перекатил через борт вторую, от которой пахнуло вонючей селёдкой.

— Ну, последнюю! — крикнул Бурун. (Бочка не поддавалась.) — Ишь, отсырела!

— Может, там что-нибудь внутри? — спросил Солнышкин.

Но тут из рубки раздался крик Плавали-Знаем:

— Побыстреей, побыстреей!

— Пустая, — сказал Бурун. — Взяли!

— На старт! — крикнул Солнышкин.

И, пыхтя, они перевалили бочку за борт.

В это время артельщику приснилось, что его сажают в настоящую ракету и она с гулом поднимается в космос.

«Я не хочу в космос! — хотел крикнуть он. — Я не космонавт! Вы перепутали, пустите!»

Но Солнышкин сказал:

— Старт! — И ракета взлетела.

И едва бочка плюхнулась в воду, все увидели, как из неё, растопырив руки, с криком: «Я не космонавт!» — вылетел ошалелый Стёпка-артельщик.

— Человек за бортом, человек за бортом! — закричал перепуганный Бурун.

А Солнышкин от неожиданности чуть сам не прыгнул за ним, но спохватился и с размаху швырнул вниз спасательный круг.

Судно остановилось, Петькин вывалил за борт штормтрап, и мокрый Степан взобрался наверх. От испуга он дрожал, как толстый ще-

нок, но мысли его, как злые собаки, уже кусали всех на свете, и больше всего Солнышкина.

— Я тебе запомню «старт»! — ворчал он.

Новое происшествие на пароходе «Даёшь!»

Плавали-Знаем сразу как-то похудел, щетина торчала, как иголки из сердитого ежа. Уши оттопыривались и вздрагивали при каждом звуке. Он мрачно бродил по коридору, заглядывал в каюты и каждого встречного прогонял с дороги движением указательного пальца. На судне стояла тяжёлая тишина.

«Где же он сидит?» — размышлял Плавали-Знаем и водил глазами по дверям кают.

— Хе-хе, хе-хе! — подкатился к нему, усмехаясь, обсохший артельщик.

— Что «хе-хе»? — зло передразнил его Плавали-Знаем. — Только пузыри умеешь пускать и дрыхнуть в бочке! — И он хотел махнуть в сторону указательным пальцем.

— Хе-хе! — расплылся опять артельщик. — Подойдите-ка, пожалуйста, к той двери и послушайте! — Он мигнул правым глазом и кивнул на каюту Перчикова.

— А что там?

— Посмотрите, посмотрите! — закивал Стёпка, и во рту у него вспыхнули три огонька.

Плавали-Знаем старательно одёрнул китель и, постучав, приоткрыл дверь:

— Прошу прощения, разрешите?

В каюте был один Перчиков, а на столе всю тараторил маленький магнитофон.

Плавали-Знаем не поверил своим глазам.

Он с опаской огляделся, потом подошёл к столу и нагнулся над магнитофоном. Тот добросовестно продолжал повторять речь начальника пароходства на одном из торжественных собраний.

— Так! — прохрипел Плавали-Знаем. — Издеваться задумали? — Он одним движением сгрёб плёнки и подхватил магнитофон.

— Не имеете права! — подскочил Перчиков.

— Права? — повторил Плавали-Знаем и прищурил глаз. — Я вам покажу право! Я вам его покажу!

И он вышел из каюты. Сапоги его загрохотали, как танки, прорвавшие оборону противника.

Вся команда высунулась из кают и смотрела ему вслед.

Плавали-Знаем грозно поднялся по трапу на капитанский мостик. Сзади него переваливался сияющий артельщик.

Слева над горизонтом поднимались Курильские острова. По всему морю бежали белые барашки. Судно подбиралось к самым глубоким местам Тихого океана.

— Утопить! — приказал Плавали-Знаем и с ненавистью вывалил в руки артельщику кипу плёнок и магнитофон.

Артельщик размахнулся. Плёнки с жалобным свистом одна за другой полетели за борт. И следом за ними, кувыркаясь, нырнул в глубину

магнитофон. Только хлюпнула вода и по волнам побежали круги.

— Всё! — доложил артельщик.

— Ну нет, это ещё не всё! — зловеще произнёс Плавали-Знаем и прищурил правый глаз.

И действительно, это было ещё не главное. Главное произошло ночью.

В полночь Солнышкин проснулся от холода. Он встал, чтобы закрыть иллюминатор, и вдруг увидел, что дверь каюты распахнута, постель Перчикова разбросана, а его самого нет.

Солнышкин выскочил в коридор. В коридоре тоже никого не было. Он прошёл вперёд и увидел, как артельщик приклеивает на доску приказов бумажку, на которой что-то нацарапано. Солнышкин пригляделся и с ужасом прочитал:

«За насмешки и издевательства над вышестоящими руководителями и непочтительное отношение к ним высадить на необитаемом острове радиста Перчикова. Приказ приведён в исполнение».

— Пер-чи-ков! — закричал Солнышкин в темноту. — Пер-чи-ков!

И ему показалось, что откуда-то издалека, со стороны острова, в ответ раздалось что-то похожее на «...ол-ныш-кин!». Солнышкин сжал кулаки и сказал:

— Держись, мы выручим тебя, Перчиков!

Замечательный почин моряков парохода «Даёшь!»

На рассвете почти вся команда уже знала о расправе с Перчиковым. В коридоре начала собираться толпа. Слышался возмущённый гул. Солнышкин, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, призывал:

— Надо его спасти!

— Перчикова на борт! — гудел машинист Мишкин. — Плавали-Знаем на остров!

— Немедленно повернуть!

Но тут неожиданно раздался спокойный голос:

— Тихо, ребята, тихо!

И словно из пустоты, перед командой возник маленький доктор Челкашкин. Он посмотрел на Мишкина голубыми глазами, повёл усиками и сказал:

— Прежде всего спокойствие. Бросьте кричать. Груз мы должны доставить вовремя. Скоро начинается учебный год, а мы везём для школ тетради. Раз. В яслях кончается манка и истрепались все соски, а у нас их полный трюм. Это два. Геологам нужны грузовики. Это три. Верно я говорю?

— Верно!

— Но мы должны спасти Перчикова! — крикнул Солнышкин.

— Правильно, — сказал Челкашкин и потёр лёгкую лысинку. — Доказано, что человек вполне может обойтись без пищи и воды неделю. И если даже у Перчикова ничего нет, то неделю он протянет наверняка. Наша задача состоит в том, чтобы вернуться сюда в три раза быстрее. Машинисты смогут развить предельную скорость?

— Будет сделано! — крикнул Мишкин и потряс рукой.

— Команда сможет выбросить груз за один день?

— Сможет! — вмешался кок Борщик.

— Трудновато! — почесал затылок Бурун. — Но раз Борщик сказал — сделаем.

— Сделаем! — подхватил Солнышкин.

И все быстро разошлись по местам.

Через десять минут машина загудела, пароход помчался вперёд так, что нелетучие рыбы начали разлетаться во все стороны. Один за другим проносились острова, и в ушах у матросов свистел ветер.

На палубе готовились к выгрузке, снимали с трюмов брезенты. Через несколько часов над горизонтом задымили вершины камчатских вулканов. С каждой минутой они становились всё больше. И скоро «Даёшь!» влетел на всех парах

в прекрасную бухту. Солнышкин стоял на палубе. Задрав голову, смотрел на ослепительные снега. Увидеть эти горы он мечтал всю жизнь...

По улицам города в порт бежали жители. На причалах толпились грузчики.

Кок Борщик сбежал вниз по трапу и потащил за собой Солнышкина.

— Стойте! — кричал он грузчикам. — Стойте! Все остановились.

— Послушайте, что произошло с Перчиковым! — сказал Борщик.

— С Перчиковым?! — хором спросили грузчики.

— Да, — сказал Борщик и подтолкнул Солнышкина вперед.

И едва тот рассказал уже знакомую нам историю, грузчики стали сжимать кулаки.

— Неужели на необитаемый остров?

— Хватит кричать! — сказал бригадир грузчиков Швыряй-Бросалкин. — Перчикову вопросами не поможешь! Крановщики, на места! Борщик, вари компот! — подмигнул он коку.

Длинные причальные краны подлетели к пароходу и начали снимать груз. Команда и грузчики вытаскивали из трюмов мешки с манкой. Бросалкин бросал на сетку сразу по десять мешков, а Солнышкин вытащил на причал один за другим двадцать ящиков сосок. Их тут же пе-

реправили в ясли, потому что даже на причале было слышно, как в городе кричат младенцы. За сосками пошли тетради. Солнышкин торопился. Кок Борщик подавал грузчикам компот кастрюлями, а Бросалкин получил целое ведро.

Не успело солнце перевалить за полдень, а пароход «Даёшь!» готов был оторваться от причала.

«СМОТРИТЕ НА ГОРИЗОНТ!»

Всю ночь Солнышкин не мог уснуть. Хотя руки и спина у него ныли после работы, он то и дело выбегал на палубу и вглядывался: не покажутся ли вдали очертания острова Камбалы? Навстречу дул сильный ветер. Волны взбирались на палубу, и брызги, словно солёные пули, барабанили по лицу Солнышкина. Он весь, до ниточки, промок, а сердце его стучало изо всех сил:

«Держись, Перчиков, подмога рядом!».

В час ночи Солнышкин заглянул к боцману. В два он растормошил Борщика. Потом он поднялся в рулевую рубку, чтобы сверху посмотреть в сторону острова, и натолкнулся на промокшего Плавали-Знаем. Он кашлял и чихал.

— Нечего шататься! — сказал он. — Время спать.

— Плавали — знаем! — весело подмигнул ему Солнышкин.

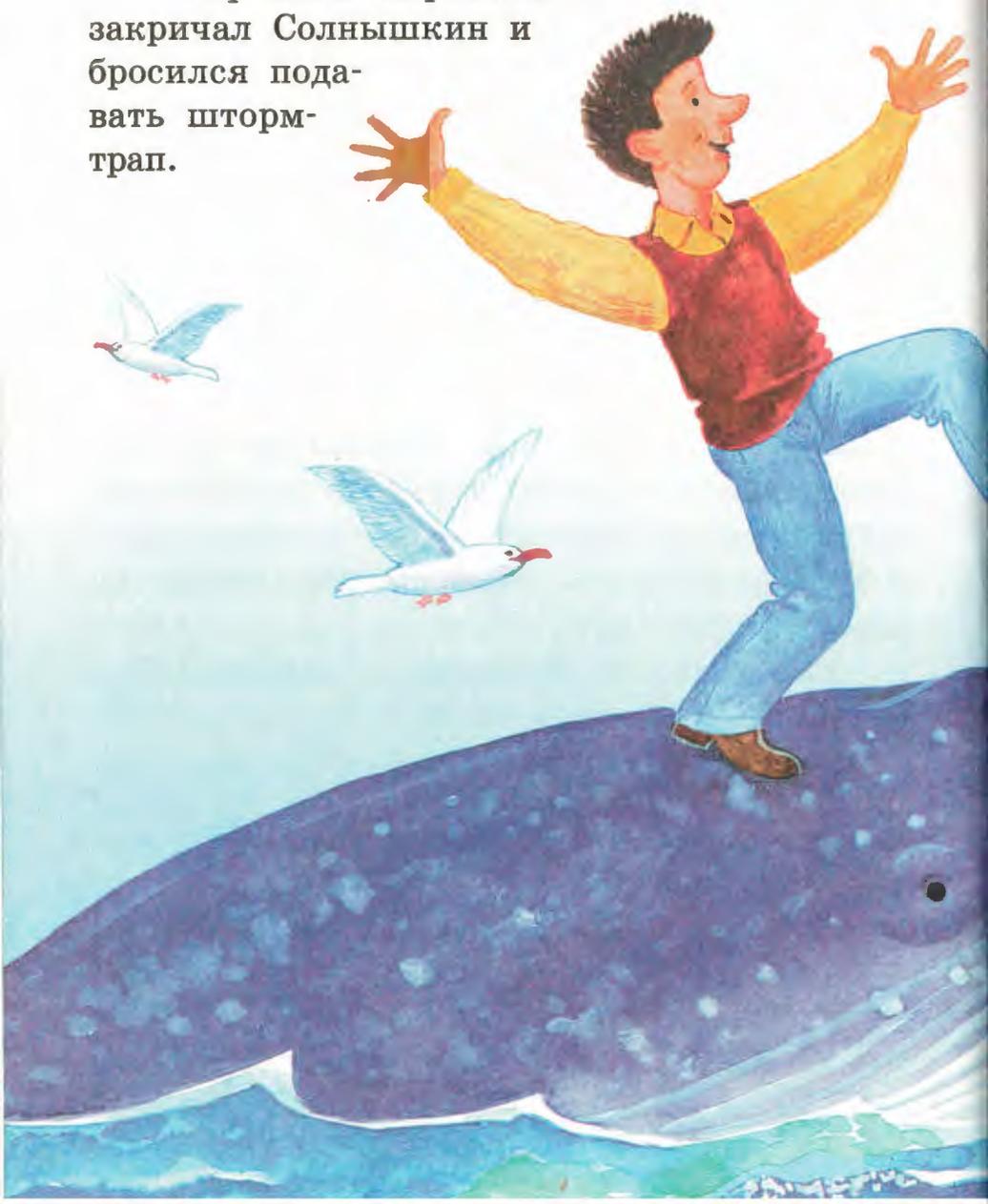
Солнышкин до утра не уходил с мостика. Над океаном поднялось солнце, навстречу бежали зелёные волны, и то и дело сверкали рыбёшки. И вдруг за гребнями волн, вдалеке Солнышкин увидел какую-то тушу, над которой с криками летали чайки. Солнышкин схватил бинокль, и его храбрый чубчик стал удивлённо качаться влево и вправо.

— Смотрите на горизонт! — закричал Солнышкин.

Впереди, навстречу пароходу, важно плыл громадный кит, а на его спине приплясывал живой и невредимый Перчиков!

— Перчиков! Перчиков! —
закричал Солнышкин и
бросился пода-
вать шторм-
трап.

Кит аккуратно пришвартовался к пароходу. Перчиков ухватился за ступеньку трапа и полез наверх.

— Здравствуй, Перчиков! — бросился к нему Солнышкин и стал восторженно обнимать его.

Самое верное «Плавали — знаем»

Пароход «Даёшь!» шёл курсом к Океанску, на палубе его продолжалось веселье, а сбоку парохода плыл кит. Он косил глазом в сторону судна и, когда видел Перчикова, радостно салютовал, выпуская маленький фонтанчик.

Солнышкин, волнуясь, ходил по рубке, а Федькин уговаривал Петькина пустить Солнышкина к штурвалу:

— Пусти, Петькин! Человек хочет быть моряком!

— Не моё дело, — говорил Петькин. Он стоял на палубе твёрдо, как глиняная копилка на комоде.

— Слушай, Петькин, человек в порту за тебя отстоит вахту! — сказал Федькин.

Петькин дважды мигнул.

— А точно? — спросил он.

— Конечно! — воскликнул Солнышкин и весь засветился от радости.

— Ладно, — согласился Петькин.

И Солнышкин встал за штурвал.

Море бросилось к нему навстречу. Солнышкину показалось, что оно само понесло пароход на могучей синей спине. «Даёшь!» шёл полным хо-

дом, и Солнышкин только направлял его движением руки.

Вот слева вдалеке пронёсся остров. Вот от горизонта стал быстро приближаться встречный пароход и, когда поравнялся, издал могучий приветственный гудок.

Солнышкин в восторге замахал руками и едва не упустил руль.

Стрелка качнулась влево. Солнышкин, схватившись за ручки, дёрнул штурвал влево. Стрелка тут же перелетела в обратную сторону.

Солнышкин, высунув от волнения кончик языка, повернул штурвал вправо — и стрелка медленно вернулась на место.

— Ничего! — сказал Федыкин. — Ничего!

Солнышкин радостно скосил на него глаза. Он готов был обнять штурвал и расцеловать компас.

— Ничего! — повторил Федыкин. — Но если учесть, что впереди у моряка Мексика, Индия, Австралия, то, конечно, нужно подучиться.

Ах, если бы это могла видеть его старая бабушка! Ведь сидит она сейчас где-нибудь в уголке клуба, держит на коленях веник и ничего этого не знает...

— Тютелька в тютельку, — удивлённо пробормотал Петькин. Но вдруг он оттолкнул Солнышкина и ухватился за ручки штурвала.

По трапу загрохотали сапоги. В рубку поднимался Плавали-Знаем. Он был явно не в духе.

Капитан покосился на Солнышкина, выглянул в иллюминатор и крикнул:

— Боцман! Опять пароход потерял бодрость! Ниже корму, выше нос!

Снизу донёлся тяжёлый вздох.

— Федькин, за мной! Солнышкин, за мной!

И они потащились перекладывать боцманское хозяйство.

— Скобы на корму! Якорь на корму! — командовал боцман.

Но судно не меняло положения.

— Что за шут! — сказал боцман.

И тут, откинув брезент, он увидел спящего на трюме артельщика, который подыскал себе новое место для сна.

— А ну-ка проваливай отсюда!

Тяжёлый артельщик бросился на корму, и нос парохода быстро пополз вверх.

— Вот это совсем другой вид, — сказал Плавали-Знаем и скрестил на груди руки.

Скоро мелкие капли стали садиться на лицо и руки Плавали-Знаем, а из тумана выглянул остров, который все бывалые моряки называли островом Опасности. Около него проходило коварное течение, возникали мели, и даже самые brave капитаны обходили его стороной.

— Справа мель! — тревожно сказал Петькин.

— Мель слева, — жестко произнёс Плавали-Знаем.

Петькин хотел промолчать, но судно быстро приближалось к опасному месту.

— Справа мель, — испуганно повторил он.

— Плавали — знаем! — раздалось в ответ. — Мы не трусы, чтобы уходить от опасности. Дай штурвал!

Петькин отскочил в сторону.

— Моё дело — сторона! — только и успел крикнуть он.

Плавали-Знаем дёрнул штурвал вправо. Раздался удар, и Петькин вылетел в дверь. Плавали-Знаем сделал в воздухе сальто и повис на штурвале.

Судно влипло в берег.

— Полный назад! — заорал Плавали-Знаем.

Судно не двигалось.

— Полный вперёд! — крикнул он.

Пароход дёрнулся, но застрял ещё больше. Высоко вверх торчал его героический нос, а корма сидела на мели. Через минуту схлынул туман. И рядом с пароходом показался посёлок. К судну со всех лап неслись с лаем барбосы, шавки, дворняги. Плавали-Знаем открыл глаза: из угла на него смотрела красно-синяя физиономия Петькина.

— Что теперь будет? — просипела физиономия.

— Плавали, — ответил бравый капитан, — знаем! Судить будут!

Перчиков проснулся от лая, петушиного крика, хрюканья и выглянул из каюты. Судно сидело на мели.

«Надо сообщить в пароходство. Немедленно сообщить в пароходство», — решил он и побежал в рубку.

«Внимание, внимание! — понеслось из-под ключа. — SOS! Пароход «Даёшь!» находится на мели у острова Опасности. Срочно принимайте меры! Перехожу на приём!»

И тут же издалека, с берега, донеслось в ответ: «Держитесь! Жив, здоров, вылетаю на выручку. Капитан Моряков».

Счастливые перемены

— Беда, беда! — ворвался в каюту Плавали-Знаем артельщик. — Перчиков сообщил в пароходство. К нам летит Моряков!

Плавали-Знаем в бешенстве вскочил с кресла: — Команду на корму! Всех до единого! Я сам буду командовать действиями. — Он сбросил сапоги, скинул китель и выбежал на палубу.

Команда шумно толкалась, ничего не понимая.

— За мной! — приказал Плавали-Знаем и прыгнул с кормы на землю. Из-под его ног с хрюканьем выскочил поросёнок. — За мной! — повторил Плавали-Знаем. — Налегай! — И упёрся плечом в корму.

Скоро вся команда навалилась на корму и пыхла так, что вокруг поднимался ветер.

— Без толку! — ворчал Бурун. — Подождём прилива!

— Я вам подожду! — скрипел зубами Плавали-Знаем.

Ему хотелось во что бы то ни стало сняться с мели до появления Морякова. Но тут в синем небе что-то застрекотало, и все увидели прямо над собой большой вертолёт. Дверь его распахнулась, по трапу стал быстро спускаться Моряков, а за ним три молодых штурмана.

— Боцман! Перчиков! Петькин! Дорогие мои, да что с вами стряслось? — бросился к корме Моряков. — Ай-яй-яй! — И он закачал головой: — Кто это вас загнал на берег?

Тут из-под кормы выбрался Плавали-Знаем, весь в морской траве и в тине.

— А-а-а, это вы здесь руководите действиями? — грустно сказал Моряков. — Так вот: вас отзывают немедленно в пароходство.

К НОВЫМ ГОРИЗОНТАМ!

Едва «Даешь!», снявшись с мели, добрался до Океанска, судно облетела потрясающая новость.

— Идём в Антарктиду! — крикнул Перчиков.

Солнышкину даже стали сниться пингвины и айсберги. И он не замечал, как к нему подкрадывалась беда.

Моряков на берегу получил указания от начальства и торопился на катере к судну. А Солнышкин к его прибытию вывешивал с борта новенький штормтрап. Он завязал один узел, взялся за второй, как вдруг сзади кто-то окликнул: «Привет, Солнышкин!».

Солнышкин оглянулся, разговорился. В этот момент катер подплыл к борту, Моряков прыгнул на трап и стал подниматься. Вверху свистнуло: «Фьють! Фьють!» — и капитан сорвался в воду. Он вынырнул, но деревянная ступенька, балясина, стукнула его по лбу. Вынырнул снова — и следующая балясина шлёпнула его ещё раз!

— Капитан за бортом! — закричали вокруг.

Команда бросилась на помощь. И скоро мимо Солнышкина пробежал Моряков. С него ручьями текла вода, а на лбу красовалась огромная шишка.

«Вот тебе и Антарктида! Неужели всё кончилось?» — подумал Солнышкин.

— Бедный Солнышкин! — съехидничал артельщик.

А рядом раздался голос боцмана:

— Солнышкин, к капитану!

Моряков ходил по каюте в пижаме и прикрывал подушкой лоб.

— Ты что, убить меня захотел? — спросил капитан.

— Нет, что вы... — грустно ответил Солнышкин.

— Опозорить меня захотел перед целым флотом?

— Что вы! — крикнул Солнышкин.

— Ну раз не хотел — марш на работу! А в следующий раз я тебе сам набью такую шишку — бабушка родная не узнает! — с усмешкой пригрозил капитан.

— Десять шишек, тысячу шишек! — крикнул счастливый Солнышкин и вылетел прямо в руки друзей.

Наконец затарахтели лебёдки, загудела машина... За спиной снова оставались знакомые сопки Океанска.

А на носу парохода «Даёшь!» в обнимку стояли Солнышкин и Перчиков. Над ними кричали чайки, мимо, шумя парусами, пробегали яхты. Друзья всматривались в горизонт, и навстречу им катились волны далеких океанов.

Оглавление

Вперед! — паруса!	5
Мал, мал! Подрасти немного!	7
Каюта старого Робинзона	13
Привет Мирону Ивановичу!	20
Неожиданные перемены	23
Первая команда Плавали-Знаем	26
Руку на дружбу, Солнышкин!	28
Новые указания бравого капитана	30
Слева направо.	35
Страшные волнения Плавали-Знаем	37
Артельщик отправляется в космос.	40
Новое происшествие на пароходе «Даёшь!»	43
Замечательный почин моряков парохода «Даёшь!»	47
«Смотрите на горизонт!»	50
Самое верное «Плавали — знаем»	54
Счастливые перемены	58
К новым горизонтам!	60

Для младшего школьного возраста

Виталий Титович Коржиков

МОРЕПЛАВАНИЕ СОЛНЫШКИНА

Мультипликационная история

Художник И. Красовская

Редактор М. Калугина

Художественный редактор Н. Василевская

Технический редактор М. Столярова

Компьютерная верстка И. Алексин

Корректор Т. Тарасова

Подписано в печать 26.04.05. Формат 60×90/16. Усл.печ.л. 4.

Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная.

Печать офсет. Тираж 10 000 экз. Заказ № 7464.

«Стрекоза-Пресс», 113054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 21, стр. 3.
(Лицензия ИД № 04289 от 15.03.01)

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУПП
«Детская книга» МПТР РФ. 127018, г. Москва, Сущевский вал, 49.

**Телефоны для реализации: (095) 268-33-90, 269-58-13,
269-15-55, 269-21-00, 269-40-13, (0872) 41-06-37
107076, г. Москва, Стромынский пер., 4.**

E-mail: strecoza@df.ru

Наш сайт: www.strecoza.ru

Интернет-магазин: shop.strecoza.ru

ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

Мореплавание
Солнышкина

Солнышкин с детства мечтал отправиться в кругосветное плавание. Наконец-то мечта сбылась: он приехал к морю, устроился на корабль... Какие приключения ждут нашего героя? Читайте и узнаете!

СТРЕКОЗА-ПРЕСС

ISBN 5-479-00208-2

9 785479 002083 >